

**РАЗВИТИЕ ЭКСПРЕССИОНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ
В РОМАНИСТИКЕ Л.Н. АНДРЕЕВА
(«ИГО ВОЙНЫ», «САШКА ЖЕГУЛЕВ», «ДНЕВНИК САТАНЫ»)**

В статье исследуется поэтика экспрессионизма в романах Л.Н. Андреева о войне и революции и в неоконченном романе «Дневник Сатаны». Подробно рассматривается комплекс экзистенциальных мотивов и его реализация в образной системе каждого из романов. Отмечается влияние экзистенциального конфликта на поэтику произведений, ее тяготение в сторону большей экспрессивности.

Ключевые слова: проза Л.Н. Андреева, поэтика экспрессионизма, экспрессионистическое высказывание, экзистенциальная философия, экзистенциальные мотивы, иррациональные образы.

Атмосфера рубежа XIX–XX вв. была пронизана предчувствием кардинальных перемен и социальных катастроф. Человек вынужден был существовать в условиях нестабильности, постоянных войн и революций, что оказало заметное влияние на мировоззрение как отдельного человека, так и общества в целом. Историческая ситуация задавала векторы развития культуры и обусловила необходимость появления новых форм высказывания. «...При таком “состоянии мира” были все основания для выдвижения экспрессионизма на авансцену литературного процесса» [1, с. 311].

Тема войны и революции находит в творчестве Л.Н. Андреева свое место. Писатель посвятил теме существования человека в военное время большое количество произведений – от рассказов и повестей («Красный смех», «Так было», «Марсельеза», «Тьма» и т. д.) до романов («Иго войны», «Сашка Жегулев»). Писатель стремится показать античеловечную сторону войны и выбирает для этой цели яркие средства эмоциональной выразительности. В романе «Иго войны», выбирая форму дневника, он ведет повествование от лица героя, который находится далеко от мест сражений, но терпит тяготы жизни в военное время.

Экзистенциальный комплекс мотивов реализуется полностью в романе, потому что война обостряет восприятие проблемы существования. Смерть в военное время становится повсеместным явлением, которому герои перестают удивляться. Сущность войны обнажается автором в постоянно возникающих в повествовании гротескных образах, которые являются порождением самой военной действительности, а не одними авторскими фантазиями. В начале войны герой хочет бежать до границ земли. Мотив бегства будет реализован в дальнейшем ходе повествования в сценах хождения героя по городу во время бесплодных попыток найти работу и укрыться от проблем заботы о семье. Герой сравнивает себя с акробатом, пытаясь передать ощущение перевернутости мира, его кардинального изменения. Образ смерти, которую

* © Шестакова М.А., 2014

Шестакова Маргарита Александровна (ritulya-lal@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

представляет герой, описывается предельно эмоционально, отрывисто, нервно: «убивают <...> с каким-то дьявольским вывертом, грохотом, ревом, огнем; пока придет смерть, еще тысячу раз напугают человека до сумасшествия» [2, т. 6, с. 22]. Жизнь сама порождает и демонстрирует гротескные образы смерти: раненый солдат в лазарете грызет подушку, пытаясь в бреду одними зубами загрызть врага.

Живые люди становятся похожими на призраков. Так изображаются мать, переживающая смерть сына, и герой, раздираемый чувством стыда, ответственности за семью и жалости. Переживание войны как личной катастрофы порождает гротескный образ героя, который желает помочь, но не может остановить кровопролитие: «будь у меня грудь шириной верст в триста, без колебания подставил бы ее под немецкие снаряды, чтобы загородить других» [2, т. 6, с. 80].

Внутренняя жизнь человека, определяющая его отношения с окружающим миром, становится предметом изучения Л.Н. Андреева в романе «Сашка Жегулев». Ситуация, в которой человек сталкивается с вмешательством надличностных сил в его жизнь, изображается в произведениях Л.Н. Андреева как стихийное движение истории. Ярким примером вмешательства в судьбу героев становится революционное время. Революция и бунт обуславливают место и время многих рассказов писателя: «В темную даль», «Тьма», «Марсельеза», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Губернатор», «Рассказ о семи повешенных» и т. д.

В романе «Сашка Жегулев» писатель создает образ героя, сознательно отказавшегося от дворянской жизни ради искупления грехов отца — генерала Погодина. Мотив возмездия, слитый с мотивом жертвенности, возникает в произведениях Л.Н. Андреева с революционной тематикой. Роман обнаруживает сложную и многоплановую структуру, многочисленные аллюзии как на другие произведения Л.Н. Андреева («Иуда Искариот», рассказы), так и на его идеи, отсылающие к философии Ницше (идея избранничества одного, развития истории по кругу и т. д.). Романная форма позволяет писателю наиболее полно раскрыть противоречивые образы героев. Многие герои романа «Сашка Жегулев» совмещают в себе противоположные черты — добро и зло. Подробное описание жизни Саши Погодина позволяет показать все этапы пути героя от добра к злу, насилию и трагичному завершению романа. Мотив избранничества героя переплетается с традиционным для прозы писателя мотивом отчуждения. Герой с детства отличается ото всех, семья героя также существует отдельно ото всего общества небольшого города. Мотив молчания играет важную роль в изображении портрета героя: у него особенный взгляд и молчаливость «черты, которые старается продемонстрировать гостям мать героя, чтобы подчеркнуть его уникальность».

Образ героя сопрягает в себе божественное (жертвенность) и демоническое. Глаза героя также указывают на его двойственную природу: они «жуткие», «не улыбающиеся» [3, т. 4, с. 85], глаза обреченного, наполненные тоской и усталостью народа. Взгляд, угрюмая молчаливость, погруженность героя в себя вызывают аллюзии с демоническими героями — типами, один из которых присутствует непосредственно в тексте романа. Образ Байрона как демонического борца за свободу появляется в разных частях романа. Факты биографии, стихотворения и абсолютное одиночество Байрона подчеркивают сходство образа Сашки с его образом и выводят повествование на уровень исторического и художественного обобщения.

В романе возникают пары-оппозиции: Сашка Жегулев — Колесников, мать — отец, мать — молодые героини. Оппозиция «Сашка Жегулев — Колесников» обнаруживает параллель не только с евангельским сюжетом об учителе и учениках, но и с произведением писателя «Иуда Искариот». Параллель образа Колесникова и Иуды признается многими исследователями: герой двуличен, ведет Сашку Жегулева к гибели.

ли и в то же время пытается помешать самому себе, в минуту слабости уговаривает Сашку остаться с семьей. Подобно Иуде, герой чрезвычайно быстро занимает в жизни Сашки место близких людей: вытесняет мать и сестру и ставит самого Сашку «на грань нечеловеческого ужаса» [3, т. 4, с. 90]. Образ Колесникова носит черты демонизма романтического героя: он одинок и потерян. Колесников – сомневающийся герой, который не способен твердо определить жизненную позицию, несмотря на возраст. Он является воплощением такого типа героя произведений Л.Н. Андреева, которые находятся в непрерывном критическом осмыслении оснований жизни. Двойником Сашки также становится Васька Соловьев, организовавший шайку после смерти героя и присвоивший себе его имя.

Писатель помещает в центр романа героя, претендующего на роль «сверхчеловека», и показывает его крах, подробно и эмоционально описывая его путь. При этом огромную роль играют ведущие мотивы творчества писателя, способствующие всестороннему раскрытию образа главного героя. Таков мотив молчания, необходимый для создания атмосферы тайны, ирреальности, необъяснимости бытия и указания на интуитивный путь познания, которому часто бессознательно следуют герои. Все герои писателя обладают тонкой чуткостью, интуицией, которая заставляет мать испытывать страх за жизнь детей, молодых людей – ужас от возможной смерти, где им определена роль убийцы или жертвы. Уделяя внимание передаче психологически напряженного состояния героев, писатель ведет повествование, демонстрирующее восприятие героев: особую весомость обретают отдельные реалистические и гротескные детали, привлекающие внимание героев. Мать героя, сообщая о самоубийстве гимназиста Тимохина, «лязгает зубами» [3, т. 4, с. 135], чему удивляется герой. Деталь обладает у Л.Н. Андреева большой смысловой нагрузкой. Так, в приведенном примере писателю удалось в одном замечании передать состояние героини, Сашки и общую атмосферу сцены.

Использование средств художественной выразительности достигает особой плотности в важных смысловых фрагментах текста романа. Показательна сцена убийства Сашки Жегулева. В портретном описании трупа героя смешиваются реалистические детали («обезображенное лицо», «разорванная щека», «выбитые пулей передние зубы» [3, т. 4, с. 249] и гротескные детали улыбки («из разорванной щеки белели уцелевшие зубы, словно улыбался насмешливо убитый» [3, т. 4, с. 249]). Картину ужаса на границе смерти и жизни писатель рисует в сцене собирания тел убитых: «По предложению пристава, во всем любившего картинность, убитых стоймя привязали к вбитым в землю четырем колам и придали им боевую позу» [3, т. 4, с. 250]. Л.Н. Андреева можно назвать мастером «ужасного гротеска», потому что писатель не останавливается на нескольких гротескных образах в описании смерти, а дает полную, исчерпывающую, даже избыточную картину градации ужасающих подробностей: «издали действительно было похоже на живых и страшных разбойников, глубоко задумавшихся над чем-то своим <...> или рассматривавших вытоптанную траву, или собирающихся плясать: колена все время сгибались под тяжестью тела, как ни старались их выпрямить. <...> бессильно, по-мертвому, клонились вялые, точно похудевшие и удлинившиеся шеи, не держа тяжелой мертвой головы» [3, т. 4, с. 250]. Гротескная картина жизни после смерти Сашки находит продолжение в мифе о выжившем разбойнике, продолжающем поджигать усадьбы, и в описании жизни матери и сестры, где герой будто продолжает жить (ему отводится отдельная комната, за обедом женщины оставляют большую часть стола пустой, «словно так велик был Саша, что один занимал всю ту большую голую половину стола» [3, т. 4, с. 252]).

Гротеск используется автором для обнажения оппозиции Сашки и Колесникова, который сравнивает реки со «слезами народными» [3, т. 4, с. 212], что не нравится

главному герою и кажется напыщенным. Гротеск необходим писателю для раскрытия полноты человеческого существования — его противоречивости. Героя, переполненного чувствами, автор описывает как «радостного и горького», «богатого и нищего» [3, т. 4, с. 130].

Писатель на протяжении всего романа говорит об амбивалентности добра и зла и реализует свою мысль в ряде пар-оппозиций и внутри образов некоторых героев. В дальнейшем обобщающий образ героя, ярко демонстрирующий амбивалентную и противоречивую природу человека, будет создан Л.Н. Андреевым в романе «Дневник Сатаны». Последнее произведение является широким обобщением центральной проблемы творчества писателя, синтезом иронии и трагедии и обладает сложной системой аллюзий.

«Дневник Сатаны» является неоконченным романом писателя, но в этом последнем произведении Л.Н. Андреева сконцентрированы черты поэтики, определяющие его творческую индивидуальность. Здесь переплетены библейские мотивы, анекдотичность и абсурдность действительности. В романе уникальным образом взаимодействуют все ведущие образы и мотивы творчества Л.Н. Андреева: проблемы смысла жизни и сути человека; герои с демоническими чертами, обнаруживающие явный след влияния философии Ницше; и герой — Христос; мотивы призрачности жизни, случая, мотивы молчания, непознаваемости, двойничества и т. д. Последнее произведение писателя является итогом всего творчества и позволяет говорить об особенностях художественного восприятия мира писателем, о его понимании взаимоотношения человека и мира.

Центральный образ вочеловечившегося Сатаны обуславливает присутствие иррационального начала, благодаря которому становится возможно широкое обобщение. Иррациональное подчеркивает остроту личных человеческих исканий. Сатана боится тьмы, хотя сам является ее бессмертным порождением.

Роман демонстрирует экзистенциальную философию автора и главную ее идею: жизнь человека кажется ему вечностью, но он осознает конечность своего бытия и поэтому испытывает ужас присутствия смерти. Сатана в первые дни пребывания среди людей боится не успеть жить, потому что слышит сердце: «ведь счетчик не дремлет, пока Я лежу <...> и сплю» [2, т. 6, с. 122].

В романе «Дневник Сатаны» реализуется важный для всего творчества Л.Н. Андреева принцип присутствия в повествовании *таинственного*, граничащего с *иррациональным*. Сатана в начале романа оказывается ночью в незнакомом месте перед уединенным домом, который вызывает в герое чувство подозрения. Сам дом и его хозяин играют свою роль в общем образе таинственности, пугающей самого Сатану. Писатель создает загадочную и пугающую атмосферу благодаря вниманию к деталям интерьера и облика хозяина дома. Белые руки Магнуса, которые Сатана называет руками убийцы, не дают герою спокойно уснуть. Атмосфера ожидания обнаруживающейся ужасной правды поддерживается на протяжении всего романа. Ужасным, по Л.Н. Андрееву, оказывается превосходство людей над Сатаной в искусстве обмана и создания зла.

Тема *двоемрия* важна не только для философии писателя, она находит воплощение в образе главного героя. Сатана, вочеловечившись, пытается противиться человеческому страху: «Я пришел из царства Свободы. И Я не хочу быть глистом Вандергуда: один глоток этого чудесного цианистого калия, и Я — снова свободен» [2, т. 6, с. 131]. Чтобы подчеркнуть остроту существования человека на границе двух миров, писатель соединяет в своем художественном методе особенности двух направлений: реализма и экспрессионизма. В «Дневнике Сатаны» достаточно реалистичных описаний столкно-

вения героя со смертью, за что Сатана извиняется перед читающими его дневник дамами. Наравне с традиционным воплощением тема двоемирия находит в романе возможность иного раскрытия: Сатана критикует человеческий язык, на котором невозможно говорить даже о человеческих переживаниях («*необыкновенное на языке твоего ворчания невыразимо*» [2, т. 6, с. 118], «*взору предстало необыкновенное, <...> что невыразимо на твоём языке*» [2, т. 6, с. 132]). Язык играет злую шутку с Сатаной в момент устрашающей речи об адских муках, которая не производит должного эффекта на слушателей: «*мне стыдно приводить эту речь, где каждое слово дрожало и выло от бессилия*» [2, т. 6, с. 243].

Картина движения мысли Л.Н. Андреева отчетливо представляется при сопоставлении романов «Иго войны», «Сашка Жегулев» и «Дневник Сатаны». В романе «Дневник Сатаны» писатель создает героев, которые одним своим возникновением обозначают масштабность осмысления писателем проблем, составляющих содержательную сторону романа (вочеловечившийся Сатана; Магнус, обманувший Сатану; Мария, оказавшаяся грешницей). Гротескные образы значительно чаще появляются в «Дневнике Сатаны». Таким образом, в романе писатель осуществляет выход к иному уровню и способу повествования.

Сопоставление повестей и романов Л.Н. Андреева позволяет обозначить некоторые существенные особенности индивидуально-авторского стиля писателя. Объединение экспрессионистических способов высказывания с экзистенциальной концепцией существования человека указывает на уникальность условий формирования русской литературы начала XX века.

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л. Русская литература XX века: 1917 – 1920-е годы: в 2 кн. Кн. 1: учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Изд. центр «Академия», 2012. 464 с.
2. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худ. лит., 1990. 720 с.
3. Андреев Л.Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Худ. лит., 1990. 640 с.
4. Московскина И.И. Между «pro» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков: ХНУ имени В.Н. Карамзина, 2005. 288 с.

References

1. Leyderman N.L. Russian literature of the XX century: 1917–1920-ies: in 2 vol. Vol. 1: schoolbook for students of institutions of higher professional education. M.: Akademia, 2012. 464 p.
2. Andreev L.N. Collected works: in 6 vol.. Vol. 6. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 720 p.
3. Andreev L.N. Collected works: in 6 vol.. Vol. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 640 p.
4. Moskovskina I.I. Between «pro» and «contra»: coordinates of artistic world of Leonid Andreev. Khar'kov: KhNU im. V.N. Karamzina, 2005. 288 p.

*M.A. Shestakova**

**DEVELOPMENT OF EXPRESSIONIST TENDENCIES
IN THE NOVELS BY L.N.ANDREEV
(«THE YOKE OF WAR», «SASHKA ZHEGULEV», «DIARY OF SATAN»)**

The present paper is devoted to the study of poetics of expressionism in L.N. Andreev's novels about war, revolution and in the unfinished novel «Diary of Satan». The set of existentialist motives and their realization in the imaginary system of each of the novels is viewed in detail. The influence of existential conflict on the poetics of works, its inclination towards more expressiveness is noted.

Key words: prose by L.N. Andreev, poetics of expressionism, expressionistic utterance, existential philosophy, existential motives, irrational images.

* *Shestakova Margarita Alexandrovna* (ritulya-lal@mail.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.